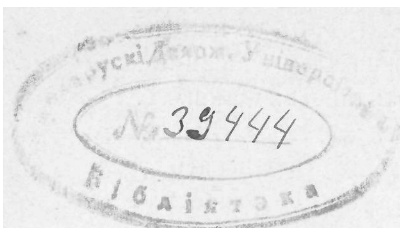
Е. Ѳ. Карскій.

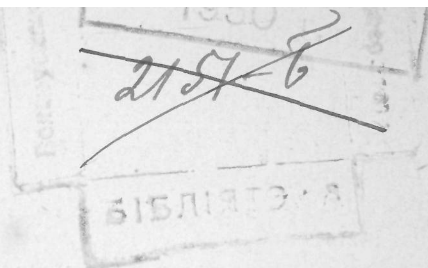
ОТЧЕТЪ

О ПОѢЗДКѢ ВЪ БѢЛОРУССІЮ

въ 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1905.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Бѣлоруссію въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1903 года.

Е. Ѳ. Карскаго,

Профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

Вслѣдствіе предложенія г. Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, сдѣланнаго мнѣ въ началѣ января 1903 года, мною предпринята была поѣздка въ сѣверо-западный край на средства въ 500 рублей, ассигнованныя на этотъ предметъ бывшимъ въ то время г. Виленскимъ, Гродненскимъ и Ковенскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-лейтенантомъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ.

Цѣлью свой поѣздки я намѣтилъ: а) опредѣленіе этнографической границы бѣлорусской народности и языка съ сосѣдними великорусскими и малорусскими племенами и нарѣчіями, а также съ народностями польской, литовской и латышской; б) на мѣстѣ лично познакомиться съ особенностями разныхъ бѣлорусскихъ говоровъ и опредѣлить по возможности границы послѣднихъ; в) попутно, при случаѣ, дѣлать наблюденія надъ народнымъ бытомъ; г) отчасти собрать и провѣрить новые и старые матеріалы по бѣлорусскому фольклору.

Намѣченныя задачи очень обширны и врядъ ли были бы выполнены въ сравнительно небольшое время, если бы не было сдѣлано подготовительныхъ работъ въ указанныхъ отношеніяхъ. Послѣднія постепенно дѣлались мною почти съ 1886 года. О степени успѣшности моего труда можно судить

по моей книгѣ: „Бѣлоруссы. Томъ I. Введеніе въ изученіе языка и народной словесности. Варшава. 1903“, напечатанной по окончаніи моей поѣздки, на основаніи собранныхъ и отчасти провѣренныхъ въ теченіе командировки данныхъ.

Размѣры книги, составляющей оттискъ изъ „Виленскаго Временника“, издаваемаго при управленіи Виленскаго генералъ-губернаторства, ея спеціальныя задачи, обозначенныя въ заглавіи, не дали однако возможности использовать весь собранный мною матеріалъ, хотя бы въ извлеченіи. Вслѣдствіе этого считаю возможнымъ, *въ дополненіе къ названной книгѣ*, подѣлиться нѣкоторыми изъ своихъ наблюденій.

Свою поѣздку я началъ съ сѣверо-западной Бѣлоруссіи. Отправившись изъ Вильны, я долженъ былъ прежде всего посѣтить Новоалександровскій уѣздъ Ковенской губерніи. Но тутъ оказалъ мнѣ помощь мой ученикъ, В. А. Каминскій, бывшій въ то время учителемъ Ковенской мужской гимназіи. Благодаря просвѣщенному содѣйствію г. Попечителя Виленскаго учебнаго округа, В. А. Попова, онъ имѣлъ полную возможность посѣтить всѣ намѣченные мною пункты въ названномъ уѣздѣ и сдѣлать соотвѣтствующія наблюденія. Собранные имъ матеріалы, а также поступающіе оттуда до сихъ поръ, передаются въ управленіе Виленскаго учебнаго округа, но часть ихъ побывала и въ моихъ рукахъ.

Оказывается, что главнѣйшіе пункты въ восточной части Новоалександровскаго уѣзда въ отношеніи населенія находятся въ слѣдующемъ положеніи: *Снудза*—бѣлоруссовъ нѣтъ, а старообрядцы-великоруссы, но всѣ дзекаютъ и цекаютъ, изрѣдк *г*=*h*; попадаются бѣлорусскія слова. Въ *Красногорской* волости исключительно бѣлоруссы католики. Бѣлоруссы и въ с. *Плюссы*. То-же слѣдуетъ сказать и относительно с. *Слободки*. Изъ особенностей бѣлорусскаго говора здѣсь отмѣтимъ *р* твердое; приставочное *в*; 3-е лицо ед. ч. на *ецъ*; именит. п. мн. ч. каберцэ́; дажджу́ (с дугой над „джу“). Въ нѣкоторыхъ записяхъ изъ Слободки попадается и *р* мягкое; есть даже случаи 3-го лица на-*тъ*, въ чемъ, конечно, слѣдуетъ видѣть великорусское вліяніе. *Браславъ*—бѣлоруссы католики и православные. Особенности языка обычныя. *Р* твердое; 3-ье лицо на-*ецъ*. *Е* безударное обыкновенно переходитъ въ *и*; на чистуомъ (с дугой над „уо“), на синюмъ. *Опса*—бѣлоруссы и литовцы. Бѣлоруссы стараются говорить

по-литовски. Рѣчь обыкновенная. *Дрисвяты* — бѣлоруссы католики. *Р* твердое; *-ець*. *Видзы*—бѣлоруссы составляютъ незначительную часть населенія. Въ языкѣ бросается въ глаза почти совпаденіе звука *х* со звукомъ *к*, въ чемъ, несомнѣнно, слѣдуетъ видѣть вліяніе литовцевъ. То-же въ *Тверечѣ* Вилен. г. *Р* твердое; *-ець*. Очень мало бѣлоруссовъ въ *Рымшанахъ*. Рѣчь обыкновенная. *Смолвы*—бѣлоруссы. Вотъ нѣсколько записей изъ разныхъ мѣстъ. Не представляя новизны въ содержаніи, интересны онѣ, конечно, лишь въ отношеніи языка.

№ 1.

Икъ ярыну жнуць.

На моры утачка купавалася,
Ена свайго перъячка дзивавалася:
„Перъяйка ты маё сизéнькая,
„Ци будзяшъ сизóя на чистуомъ поли,
„Икъ цяперъ сизóя на синюмъ моры“.
Ў каморы дзѣвачка умывалася,
Сваихъ бѣлыхъ ручакъ дзивавалася:
„Рýчаньки моé бѣлéнькіе,
„Ци будзяшъ [1]) бѣлые ў свякроўки.
„Икъ цяперъ бѣлые ў матульки“.

Браславъ.

№ 2.

Эй старшы сватъ!
Кешомъ [2])—пирокъ точиццsmåя,
И намъ яго кочецця.
Кали не даси,
То й самъ не ззѣси.
Якъ ты будзешъ ѣкаць,
Твой пирокъ адберець
И кешени адарвець.
Эй старшы сватъ!
Твой пирокъ смачненькій,
Только кусокъ маленькій.

Видзы.

[1]) Будете ли.
[2]) Коровай.

№ 3.

Съ поўначи пятухъ запѣяў,
Свекарка ў каморы загукаў,
Мяне маладзеньку па вадзичку паслаў.
Правая ручка вароцячки аччиняя,
А лѣвая ручка слёзки уцирая.
Якъ я у татульки была,
Якъ розачка ў садочку цвила;
А цяперъ папалася бѣсу ляниваму
И сабаку брахливаму.

Видзской волости.

№ 4.

У чистымъ поли на далиня
Пасла дзѣўка кони вараныя;
И пасучи пагубляла,
Шукаючи заблудзила.
Приблудзила къ синю мору,
Къ синю мору и къ азёру.
„Рыбалоўцы вы малойцы.
„Ци ня видзяли вы коней?"
— Хоцъ видзяли, ня видзяли,
Табѣ мы ня скажимъ;
Загадаимъ семъ загȃдкоў,
Адгадаишъ—тады скажимъ:
Хто гарыцъ бязъ полыми,
И хто ляцицъ бязъ поводу,
А хто бѣлы нибялены,
А хто чорны ничарнены,
А хто рабы пи писоны,
А хто расцецъ бязъ корыня?
—„Зара гарыцъ бязъ полыми,
„Вада ляцицъ бязъ поваду,
„Лебяцъ бѣлы ни бялены,
„Воранъ чорны ни чарнены,
„Дзяцялъ рабы пи писоны,
„Камень расцецъ бязъ корыня".
Дзяўчина ты маладая,
Сонца ясна ты яснѣя!

Ў чистымъ поли на далúня
Ходзяць кони вараныя,
Ядуць траву шаўкóваю,
Пьюць вадзúцу мядóваю.

Той же волости.

№ 5.

Выйду ў вясёлонку [1]).
Сяду падъ акеночко;
Гляну я ў садъ зéляный.
Тамъ щабечець салавеенько,
Тамъ щебечуць дробны пташички.
Щабячице салавееньки,
Шябячице дробны пташеньки,
Вяселиця миня молоду.
Вяселиця миня молоду
Да ў чужой стóронѣ.
Адазваўся салавеенько,
Адкликнуўся дробный пташенько,
Не салавей, да мой браценько,
Не салавей, да мой рóдненькій:
„Вяселися ў чужой стóронѣ,
„Я цяперъ ў своёй стóроны
„Татку зъ мамкай прыкапáў,
„И зямелькай прыдаптаў;
„Самъ малóдый на войну паѣжджáю,
„Цибе, сястрыца, адвѣдáю;
„Самъ малóдый ваявацъ буду,
„Татку зъ мамкой спаминать буду".

Дрисвяты.

№ 6.

Дымно поле, да зачимъ оно дымно,
Да ци лѣсъ разгараитъ,
Да ци мохъ расчвитаитъ?
А ни лѣсъ разгараитъ,
А ни мохъ расчвитаитъ,

---

[1]) Свѣтлицу.

Да насъ панъ зъ войны ѣдзетъ,
Везетъ сабѣ паненачку,
Везетъ сабѣ паненачку,
Тонкую высокую, бѣлую румяную.

Опса.

№ 7.

Ў полѣ бяроза стаяла,
Я тамъ маладзенька гуляла,
Залатые сучки ламала,
Ихъ я ў пучочки вязала,
Залатый масточекъ масци́ла,
Да брацетка ў госци хадзила.
Я чула братаву гаво́ручи:
„Што гэта за пошаръ [1]) саломка,
„Што гэта за госця залоўка?
„Тольки и пошаръ-травица,
„Только ў мяне и госця — сястрыца“.

Рымшанская волость. Весенняя пѣсня.

№ 8.

Ў бару зязюля куку́ець,
Па мнѣ радная мамка бяду́ець:
„Гдзѣ мая дачу́шка гару́ець,
„Гдзѣ ена ночку начуець?“
Кинь, зязюля, кукава́ци,
Кинь, мамка, па мнѣ бядаваци.
Кукуець зязюля на дубу,
Плачець па мнѣ мамка на двару.

Той же волости. Весенняя.

№ 9.

Позна я малада зъ кирма́шу шла,
Чула я малада салаўя́ пія.
Салавей щабе́чець, ёнъ пра́ўдачку ка́жець:
Гдзѣ маё дзицятко спатаньки ляжець.
Ёнъ ляжець, ёнъ ляжець самъ сабою,

[1]) Кормъ для скота.

Бѣлыя ручки падъ галавою,
Праваю пало́ю ёнъ накрыўшися,
Гарачаю слизою ёнъ аблiўшися.

Слободка.

№ 10.

Да горки палынь у гародзи,
Да гарчѣй таго мнѣ маладзюсенькой.
Сама ня знаю, што чиници:
Ци замужъ исци, ци дзѣўкой быци.
Замужъ памоўши—велька го́ра,
Дзѣўкай быци—люцка абмова.
Ци ня Бохъ тэй даў пярапѣўцы—
Куды захацѣла, туды паляцѣла:
Ци ў щиры боръ па ягодки,
Ци ў зялёны садъ па смародки.
Да ци яна тамъ заблудзила,
Цижъ яё тамъ ваўки зъѣли?
Да кабъ яё тамъ ваўки зъѣли бъ,
Были бъ лясочки ня цихiе,
Были бъ лужочки крывавые.
Да кабъ яна тамъ утанула бъ,
Были бы бяражочки паўнюсеньки...

Оттуда же. Весенняя.

Особенно интерсовали меня бѣлоруссы Курляндской губернiи. Свѣдѣнiя о нихъ у Кеппена казались очень устарѣлыми. Пришлось эту мѣстность объѣздить лично. Я посѣтилъ слѣдующiе пункты:

1) *Фабiаново* (первоначально и по народному — Яновка). „Фабiаново“—названiе прихода, но какого-либо села здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Иллукстскаго уѣзда, нѣтъ; нѣтъ здѣсь и деревень. Населенные пункты обыкновенно состоятъ изъ 2—3-хъ домовъ съ домашними постройками и только. Лишь раскольничьи деревушки да немногочисленныя мѣстечки обширнѣе. Давно ли живутъ бѣлоруссы въ Фабiановѣ, трудно сказать. Изъ церковной лѣтописи видно, что современная каменная церковь на средства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ построена взамѣнъ убогой деревянной, существовавшей здѣсь съ 1743 года. Большинство бѣлорусскихъ населенныхъ мѣстъ

оканчивается на-*ишки* (Маташишки, Свирѣлишки, Шукéлишки, Казюлишки, Пелавни́кишки и т. д.). Повидимому, первоначальные обитатели этой мѣстности были литовцы или латыши. Всего населенія въ Фабіановскомъ приходѣ 787 чел. (410 муж. п. и 377 жен.). Раскольниковъ (не бѣлоруссовъ) 452 души; послѣдніе никакого общенія съ бѣлоруссами не имѣютъ, ни съ православными, ни съ католиками. Католики-бѣлоруссы оказываютъ сильное вліяніе и на православныхъ, вслѣдствіе чего послѣдніе молитвы обыкновенно читаютъ по-польски. Представленія о народности нѣтъ никакого. Даже не знаютъ на какомъ они говорятъ языкѣ. Исключительно въ Иллукстскомъ уѣздѣ бѣлорусское нарѣчіе называется „Мухobродскимъ". Какъ ни старался я узнать, откуда пошло такое названіе и что оно значитъ, ничего не могъ сдѣлать. „Мухобродскимъ называютъ его и православные священники и католическіе ксендзы и даже мѣстные старожилы бароны. Еще на дняхъ я получилъ нижеслѣдующее стихотвореніе, записанное мѣстнымъ барономъ, при письмѣ Фабіановскаго священника С. П. Бѣлоусова. Въ немъ между прочимъ читаемъ: „Баронъ говоритъ, что эти стихи Мухобродскіе. По его объясненію, мухобродами здѣсь называются кутники-бобыли (одинокіе бѣдные крестьяне), живущіе у мужиковъ хозяевъ, имѣющихъ на откупѣ землю, часто переходившіе и теперь переходящіе отъ одного хозяина къ другому". Вотъ эта пѣсня:

Не кахай ты галубца:
Галубецъ махлюець,
А кахай ты маладца,
Что у люльку дуець.
Юлька, Юлька, паглядзи,
Дундары [1]) я маю,
И что тыдзень по одзинъ
Дундаръ пришиваю.
Цеперъ рыбку я лавлю,
Будь ты мая рыбка.
А какъ выйдзешъ за меня,
Заиграець скрыпка.

---

[1]) Дундаръ — блестящая пуговица на мундирѣ.

Зарывецъ тагды дуда,
Запiецъ татулька,
А мы съ табою въ трипака,
Кахапая Юлька.

Стихотворенiе это въ отношенiи языка недостаточно точно (вм. что д. б. што, какъ вм. якъ, *в* вм. ў), но оно чисто бѣлорусское. Для характеристики мѣстнаго говора, кромѣ отмѣченнаго стихотворенiя, могутъ быть интересны слѣдующiя замѣтки, сдѣланныя мною: зялены лѣсъ; дзѣци; нясецъ; ёнъ; ёсь; боръ, таки́ крывы́; царъ; бува́ли; ку(ъ)жу́; ўлѣсъ ў мѣхъ; ўю; ви́джу; отвѣща́цъ; дзѣўцѣ; на дузѣ; на страсѣ; ву́лица; вось; вакно́; вуго́лъ; паву́къ; шу́ма = соръ; вѣцный, но ничо́го; зялёзный; Пилипъ, Хвёдоръ; ахво́та, айуе́цъ; лѣпши; сто́лопъ; шпарко = быстро; съ сабакомъ, съ пъяницомъ; пильно = очень; раптоўне = сильно: дощъ задаў раптоўне; абы́цва; ўзяў ука́мъ; быў ў штано́хъ; людзёмъ; два чалавѣки (въ женск. и среднемъ родѣ тоже, повидимому, множеств. число и родит. ед. ч.); яе́шня; гэ́ты; гэ́ны; яво́ны (= его); увесь; ўси́; ўсихъ...; дзвюхъ; забодзяўся = усталъ; въ 3 л. ед. и мн. ч. всегда *-цъ*; превосх. степень: заси́льно, заду́жа; дзя́ку = спасибо; нявольня = нельзя; прышлю призъ няньку, я выши за цябе. Пѣсня:

— Ты купа́линька, рано́, рано́,
Да идзѣ ты была, рано́, рано́.
Да што ты раби́ла, р., р.;
— Да ў бору была, р., р.,
Я краски збирала, р., р.;
— Нашто красычки, р., р.;
— Я й вяпки вици, р., р.;
— А нашто вяночки, р., р.;
— Дзѣвушки на голо́ўку, р., р.

2) *Скрудалина.* Всего населенныхъ мѣстъ около 62, а жителей 1533 (760 муж. п. и 773 жен. п.). Кромѣ православныхъ бѣлоруссовъ, еще имѣются католики, около 1332. Въ населенныхъ мѣстахъ преобладаютъ названiя на *-ишки* (Рагули́шки, Волы́нишки, Лапя́нишки, Метели́шки, Колони́шки и др.). Народная рѣчь такая-же, какъ и въ Фабiановѣ. Уви-

дѣвъ аиста, я спросилъ: Какая это птица? Мнѣ отвѣтили: Буцяпъ гэна.

3) Отъ скрудалинскаго священника, о. Михаила Петерсона, хорошо знающаго *Иллукстъ*, я получилъ свѣдѣнія и относительно этого послѣдняго мѣстечка. Населеніе этого мѣстечка, по его словамъ, чисто бѣлорусское; состоитъ изъ православныхъ и католиковъ; послѣднихъ до 5000, православныхъ въ 1902 г. числилось 856 чел. (муж. п. 457 и жен. п. 399). Примѣты въ языкѣ: дзеканье и цеканье; твердое *р*; 3 л. ед. ч. всегда на *-ць*; гэтотъ; вулица; полонизмы въ словарѣ.

4) *Боровка*. Основное населеніе бѣлоруссы, состоящее изъ православныхъ и католиковъ, послѣднихъ нѣсколько больше. Языкъ представляетъ тѣ же особенности, что и въ раньше посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ. Много свѣдѣній получено мною отъ мѣстнаго старожила учителя Е. Лебедева. Въ памятной книжкѣ у меня отмѣчены между прочимъ: казáў, ўзяў, глядзи́, янá, галавá, пóлынь и пóлымъ, праглыни́, гэтотъ, гэнэнъ (= тотъ), ўмёрла, гвѣздышко, пшави́ца, вязýць, жани́цца, ў рóци (= во рту), на руцѣ, йшоў, йимя, бувáй, ильня́ный, ўлѣсъ ў мѣхъ, даў, буў (съ довольно явственнымъ *в*), гаварý, царъ, *г* = *h* вездѣ даже въ словахъ, взятыхъ изъ польскаго (hanak), дзеканье и цеканье, Илья́, свиня́, вясéльля, бóжа воля, ви́джу, зъѣсць, зъѣхаў, дузѣ, дзѣўцы, вóзяро, вýлица, вумъ, павýкъ, ужáка и вужáка, шесь, дасць, пій, коній, Хведоръ купаўси (и купáўся), цéрци, ўмéрци, ѣстыньки, питыньки, піяць (= пѣть), съ сабáкамъ; звательный падежъ выходитъ изъ употребленія, во множ. числѣ формъ на *э* (е) нѣтъ, рублёў, парася́, табѣ, сабѣ, тые, тыхъ и т. д., дзвѣ — дзвюхъ, дорогíй хлѣпъ, яси́, даси́, нясéць, хвáлиць, неопр. бяхчи́.

Такія же особенности языка и въ другихъ приходахъ въ разсматриваемомъ районѣ. Я посѣтилъ еще изъ православныхъ—Солопайскій приходъ (церковь и священникъ въ Тартакѣ), Коплаускій и Гривскій, а изъ католическихъ Лавкесскій. Населеніе вездѣ смѣшанное: бѣлоруссы, латыши, евреи и даже цыгане. По религіи католиковъ больше, нежели православныхъ. По свѣдѣніямъ 1902 г., полученнымъ мною у благочиннаго, живущаго въ Гривѣ-Земгалленъ, всего православныхъ (кромѣ приведенныхъ уже мною цифръ):

Въ Гривскомъ приходѣ 1037 (560 муж. и 477 жен. п.).

Въ Хрщевскомъ приходѣ 136 (79 муж. п. 57 жен. п.).

Въ Солонайскомъ приходѣ 982 (477 муж. п. и 505 жен. п.).

Въ Коплаускомъ приходѣ 650 (331 муж. п. и 319 жен. п.).

Относительно католическихъ приходовъ свѣдѣнія мною получены въ Лавкесахъ у ксендза Скрупскаго, живущаго въ названномъ приходѣ 20 лѣтъ. По его словамъ, во всѣхъ католическихъ окрестныхъ приходахъ большинство составляютъ бѣлоруссы, говорящіе на „мухобродскомъ" языкѣ, поляковъ католиковъ меньше половины, незначительная часть литовцы и латыши, напр. въ Лавкескомъ приходѣ бѣлоруссовъ католиковъ 4 т., поляковъ 3 т., литовцевъ 1 т., латышей 100 чел. Мои прислушиванія къ разговорамъ показали, что простой народъ обыкновенно говоритъ по-бѣлорусски, болѣе образованные уже по-польски. Старинные языческіе обычаи сохранились въ незначительной степени (костры на Ивана Купала, свадебные обряды и пѣсни); причиной этого является то, что живутъ обыкновенно особнякомъ, а не деревнями. Знахарей много, но больше изъ латышей. Цвѣтъ одежды пестрый и бѣлый.

Къ сѣверу отъ разсмотрѣнной области живутъ латыши и отчасти великоруссы. Но и бѣлорусскія поселенія также нерѣдкость между ними; на картѣ они не отмѣчены въ виду преобладанія здѣсь все же латышей. Даже въ Двинскѣ и Рѣжицѣ приходилось мнѣ встрѣчать на рынкѣ и на улицахъ женщинъ, говорившихъ чисто по-бѣлорусски; мужчины говорили обыкновенно по-великорусски.

Для опредѣленія сѣверной границы бѣлоруссовъ мнѣ пришлось два раза побывать въ указанной области. Тотъ и другой разъ я держался желѣзной дороги Рѣжица — Ржевъ и изъ разныхъ ея станцій дѣлалъ поѣздки къ сѣверу и на югъ; прислушивался къ рѣчи ѣдущихъ по желѣзной дорогѣ мѣстныхъ крестьянъ; дѣлалъ наблюденія на станціяхъ надъ крестьянками и дѣтьми, продававшими ягоду, разспрашивалъ свѣдущихъ лицъ и т. п. Оказалось, что точно установить границу Бѣлорусской области на сѣверѣ довольно затруднительно, такъ какъ здѣсь преобладаютъ смѣшанные говоры, переходящіе на сѣверѣ незамѣтно въ великорусскую рѣчь. Часто встрѣчаются деревни, особенно возлѣ большихъ дорогъ, въ которыхъ большинство населенія говоритъ по-великорусски,

и лишь женщины (въ большинствѣ) и дѣти склоняются въ сторону бѣлорусскаго произношенія; тѣ или другія спеціально бѣлорусскія слова и обороты иногда наблюдаются далеко къ сѣверу отъ указанной границы въ чисто великорусскихъ областяхъ. Сказанное относится не только къ разговорной рѣчи, но и къ народнымъ пѣснямъ. Чисто бѣлорусскія пѣсни мнѣ диктовали или пѣли часто въ такихъ мѣстахъ, гдѣ большинство пользуется великорусской рѣчью, и наоборотъ — великорусскія пѣсни, но больше съ дзеканьемъ и цеканьемъ, я слыхалъ и въ бѣлорусскихъ областяхъ. Вотъ для примѣра нѣсколько наблюденій изъ разныхъ мѣстъ разсматриваемой области.

Село *Купу́й* (въ 13 верстахъ къ югу отъ г. Великіе Луки). Дзеканье наблюдается къ югу отъ Купуя; смѣшенія *р* твердаго и *р* мягкаго нѣтъ; вездѣ *г*=*h* (гаво́рицъ, галава); во всемъ приходѣ въ извѣстномъ положеніи *л* переходитъ въ ў (быў, просі́ў). Въ 3-мъ лицѣ ед. ч. глаголовъ преобладаетъ *-ть* (*-ць*), но бываютъ и случаи отсутствія этого окончанія (нясе́, хва́лицъ, ёсць и под.). Еще разные примѣры: ўнукъ, ўлѣзъ ў мѣхъ, нима́, дощъ, сляпэ́й, сяо́дни, ўу́лица, ўось, паву́къ, е́тый, вужъ, гужъ, глядзѣ́цъ, купаўся и купа́лся, ня трапля́лось, ня ўпо́мню, мяси́ць, дражни́ць, нѣ вм. нѣтъ, Хецька = Ѳедька. Но вообще большинство здѣсь говоритъ по-южно-великорусски и лишь допускаютъ нѣкоторыя особенности бѣлорусскія. Здѣсь записана пѣсня:

Отвари́лися варо́та,
Вайшли ко́ни са двара́...
Не хадзи́ на наша по́ля,
Сыпраці́ўница мая́.
Сто́ицъ, сто́ицъ таѣ (тебѣ), я́гадка,
Да у гла́зы наплява́цъ...
Харашо́ мяне жалѣешъ,
Да ня ўмѣешъ цалава́цъ.

Село *Колюба́ки* (въ 2 в. къ югу отъ Великихъ Лукъ). Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе особенности мѣстныхъ костюмовъ: у женщинъ на бѣлыхъ рубашкахъ красные шерстяные вязаные наплечники, подъ рукавами вставки изъ краснаго кумача. Ворота́ у женскихъ рубахъ тоже бываютъ

расшитые. При поясахъ у женщинъ непремѣнно имѣются карманы для табакерокъ и ключей. Верхнее платье у женщинъ называется „насо́въ“; въ немъ рукава не одѣваются, а опускаются подъ поясъ; возлѣ рукавовъ прорѣзъ, куда выходятъ рукава отъ рубахи съ украшеніями. На головѣ повойникъ. У мужчинъ преобладаютъ бѣлые кафтаны; пояса довольно широкіе шерстяные тканые. По языку населеніе безусловно бѣлорусское; но и по-великорусски также говорятъ многіе. Изъ особенностей рѣчи отмѣтимъ: сильное дзеканье и цеканье, появленіе въ извѣстныхъ случаяхъ ў на мѣстѣ *л* и *в*, а также *у* безударнаго, 3-е лицо на -é, -éць и -иць, послѣднее бываетъ и вмѣсто *-ець* безударнаго; слогъ *-э́й* у именъ прилагательныхъ (конёкъ мой сильнэ́й); смѣшеніе дат. и твор. п. во множ. числѣ; смѣшеніе *ч* и *ц* изрѣдка; частица *ти* (*ци*) при вопросахъ (ци по́йдешъ?); можно слышать закрытое *о* (почти *у*) въ конечныхъ слогахъ въ нарѣчіяхъ (ху́ду. ли́ху). Еще примѣры на разныя особенности: пайшоў, ўзяў, добро вязе́, ня пьецъ, хва́лиць, умѣиць. При всемъ томъ нельзя не отмѣтить, что даже самый типъ мѣстнаго населенія болѣе великорусскій, нежели бѣлорусскій. Пѣсенные напѣвы тягучіе, бѣлорусскіе. Относительно пѣсенъ здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, говорятъ, что ихъ „играюць“, а не поютъ. Вотъ нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ мною.

№ 1.

На го́рушкѣ на гарѣ́,
На высо́кой на круто́й,
Маладзе́цъ зе́ллея капа́ецъ
И самъ его ня зна́ецъ,
Ранно́й матушки пыта́ецъ:
Мацъ мая, матушка,
Што ета за зе́лля,
Што бѣлая каре́ння?
—Дзиця ль мае, дзи́цятко,
Ета зе́лля бездзѣлля,
Маладзецкая сухата́,
А дзѣви́чая красата́.

№ 2.

Мы мáсляницу дажидáли,
Мы мáсляницу сустричáли,
На гóрушку выхадзúли,
Сыръ съ мáсломъ начинáли...
Нáша гóрушка катлúва,
Нáши дзѣвушки гуллúвы.

№ 3.

Ў нашей цéшчи за варотамъ зяць гасцúць,
На яго и дощъ и снѣгъ и замяцéлица...
Яго цéшча бяздзѣлица.

№ 4.

Дарагой посаженый госцъ,
У любú зазóваный
И ў часци пасóженый
И за дубóвымъ стóликомъ
И за брáными скáцерцямъ
И за ѣствыми за сахáрными
За напúткамъ за пъяными.
Вýмная вýмница NN
Галýбчикъ сúзенькiй NN
И галубка бѣленькая молодá жена.
Вынимáй шалковý машню,
Высыпáй залатý казнý;
Выберáйка зóлота мижи чиста сярябрá,
Сярябромъ игрицъ дарú,
А залатó для себя блюдзú...
Не ўбавляй, нáша вýмница.

№ 5.

Бласлаўляўся ясьмёнъ мѣсяцъ
Да во красной соўнушки;
Бласлаўляўся NN
Д у рóннаго бáцюшки,
Да у рóнной мáтушки.
„Блаславú мяне, мáтушка,

„Какъ на и́сцинъ пудь пайци́ць,
„Ў Гаспо́дній храмъ ступи́ць,
„Зало́тъ вянецъ приня́ць
„И сваю су́женую павида́ць".

№ 6.

Не по мо́рюшку ли сѣра вутушка плывець,
Не ко мнѣ ли это ро́нна ма́тушка йдзець.
„Пойдзи, ронна матушка, ў госци ка мнѣ
„И расправѣдайка жисць несчасную маю,
„Какъ я горькая у чужихъ людзяхъ живу,
„Не по плису, не по бархату хажу́,
„Черезъ серебро гарячи слёзы лью".

№ 7.

Ня шумъ шумиць, ня громъ гримиць,
Христосъ васкрёсъ, Сынъ Божій!
Хазяинушко ты нашъ бацюшко,
Спишь, аль ляжишь съ маладой жаной,
Устань, праснись, прабудзись,
Ваздуй агонь, схадзи на дворъ:
Ў тваёмъ дварѣ три радасци —
И кабыла жарабилася и карова оцели́лася
И авечка оягнилася...
Аткрый вакно, паглядзи на дворъ;
А ў тваимъ дварѣ стаиць церква,
Стаиць царква́ сабо́рная, багамо́льная.
Ва той царкви́ пять пра́зничкоў:
Первый празникъ — Христосъ васкрёсъ,
Другéй празникъ — Святый Ягорій,
Трецці́й празникъ — Борисъ и Глѣбъ,
Чацвертый празникъ — Микола Святая,
Пятый празникъ — Тройца Святая,
Шастой празникъ — Илля...
Ягорій свѣтъ — яго и дома нѣтъ,
Во поли гуляець, кароў пасець,
Борисъ святой — коней пасець,
Микола святая — авесъ засѣваиць

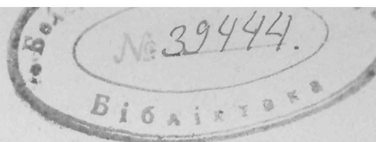
Святая Илля рожь зажина́ецъ
Правой рукой — залатымъ сярпомъ,
Дзѣ снопъ ляжицъ, тамъ бабка стаицъ,
Дзѣ бабка, тамъ мѣрка ржи.

Ст. *Ку́нья* (къ востоку отъ Великихъ Лукъ). Дзеканье и сильное аканье (нясу́, двацацъ, купи́ця); смѣшеніе дат. и твор. падежей множ. числа. Мужчины больше говорятъ поюжновеликорусски, впрочемъ и отъ женщинъ приходилось слышать — чаво.

Село *Іо́ткино* (Бѣльскаго уѣзда Смолен. губ. при станціи Нелидово на рѣкѣ Межѣ). Населеніе смѣшанное; преобладаютъ бѣлоруссы (2/3 деревень). Бѣлоруссы живутъ при болотахъ, великоруссы въ мѣстностяхъ открытыхъ. Великоруссы больше собственники, а бѣлоруссы на казенныхъ земляхъ. Старинные обряды и обычаи еще есть, но уже выводятся. Еще поютъ пѣсни колядскія, масленичныя (сожигаютъ чучело), волочебныя и свадебныя; бываютъ и погребальныя причитанія. Завиваютъ вѣнки и знаютъ массу сказокъ. Изъ особенностей языка отмѣтимъ: смѣшеніе *ч* и *ц* (чарь, черква, вѣцный), дзеканье и цеканье, 3ье лицо на *-цъ* (нясе́цъ, хва́лицъ), прилагательныя на *-эй -ей* (злэй, сляпэ́й, яке́й), смѣшеніе дат. и твор. п. множ. числа, ў вмѣсто *л* въ извѣстныхъ случаяхъ (схо́паў=взялъ, отчиніў=открылъ) и *в* (свякро́ў), слитіе гласныхъ (парали=поорали), 3-е лицо множ. ч. всегда на -уцъ — -юцъ (паю́цъ, со́дзюцъ, ко́рмюцъ, завя́зываюцъ), во 2-мъ л. мн. ч. дасьцё, ѣсьцё, удвоеніе согласныхъ (засто́лля). Нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ въ Іоткинѣ (и здѣсь „пѣсни играюцъ"):

№ 1.

Ждала свякрова нявѣстку,
Кунами дворъ слала.
„Капъ мая сила была пъ,
„ Я золатамъ выбила бъ дворъ.
„Выхадзи, свякрова гарбатая,
„Сустрачай нявѣстку богатую".

№ 2.

Ягада зъ ягадай сакацилися,
Сакаціўши ня раскоцюцца;
Иванъ зъ Марьюшкой сахадзилися,
Сыйшодши ня разыдуцца.

№ 3.

А мы масляницу сустрѣкали,
И бересни [1]) съ масломъ пачинали,
Сыромъ гарý усыпáли.
Наша масляница катлива,
А дзѣвушки гулливы,
Малодушки игривы,
А дзѣўкамъ гуляць зъ малатцами,
А малодушкамъ зъ мужуками.

№ 4.

А мы масляницу пракацúли;
Насъ масляница падманúла,
Ны вяликій постъ пасадзила.
А мы думали маслянцы 7 нядзѣлякъ,
Ажно маслянцы 7 дзянёчкоў,
А большэй постъ 7 нядзѣлякъ.

На сѣверѣ Бѣлоруссіи особенно интересовало меня распространеніе бѣлоруссовъ въ Тверской губ. По имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ бѣлоруссы кое-гдѣ должны были быть въ Осташковскомъ, Ржевскомъ и Зубцовскомъ уѣздахъ. Болѣе или менѣе центральнымъ пунктомъ въ указанной мѣстности является г. Ржевъ. Я и рѣшилъ было избрать его базисомъ для моихъ поѣздокъ. Чтобы производить ихъ съ большей пользой, я обращался къ мѣстной, больше педагогической, интеллигенціи за разными этнографическими справками. Оказалось, однако, что о составѣ мѣстнаго населенія никто не имѣлъ опредѣленнаго понятія. Оказалось лишь два лица — мѣстный любитель-археологъ С., учитель гимназіи, да инспек-

[1]) Горшки.

торъ народныхъ училищъ П., которые слыхали, что по Туду живутъ какіе-то „шепляки“, говорящіе какъ-то особенно, что иногда на рынкѣ во Ржевѣ отъ простого народа можно слышать какія-то особыя слова (напр. дарма́, купля́ешь, нѣ=нѣтъ, упакать=угодить). Отъ другихъ лицъ и такихъ данныхъ почерпнуть не удалось. Случившаяся дурная погода (дожди) и крайняя дороговизна земскихъ почтовыхъ лошадей (до 4 р. за 10 верстъ) заставили меня измѣнить планъ поѣздки по Тверской губерніи. Получивъ свѣдѣнія о самыхъ глухихъ пунктахъ по р. Туду, я изъ ст. Оленино (къ зап. отъ Ржева) направился черезъ с. Бобровки въ с. *Холмецъ*. По дорогѣ до этого села я имѣлъ случай убѣдиться, что тверскіе бѣлоруссы сильно русѣютъ: люди бывалые обыкновенно говорятъ по-великорусски; бѣлорусская рѣчь больше у женщинъ да у бѣднѣйшаго населенія, живущаго по захолустьямъ. Внѣшній видъ и одежда болѣе близки къ великорусскимъ. Бѣлорусскіе лишь бѣлые балахоны (насовы) и куртки. Холмецъ расположенъ въ 1½ верстѣ отъ Туда. Главной эксперткой у меня была мѣстная бѣдная крестьянка Соломонида Хотѣева, 56 лѣтъ. Кромѣ дзеканья и цеканья, здѣсь еще распространено цоканье (смѣшеніе *ч* и *ц*). Остальныя черты будутъ видны изъ слѣдующихъ записанныхъ мною словъ и фразъ: ўзяў, вада, намачи́лись, жалѣ́ецъ, по́исъ, каляда́, у тэй рукѣ́, сляпэ́й чалавѣ́къ, кры́шицъ, царнабро́вый, до́цка нежыве́цъ, ня можно жыцъ, адзе́жу не'тдае́цъ, хадзи́ли съ прашеніемъ, придзе́цъ па почцѣ, цяперь другей земскій нацальникъ, па людзёмъ хадзи́ла, я ўзяла́ яе́ каратышку, цатыры каровѣ, тольки дала паткáцъ, плацце и паддзёўка, я думаю ничогъ не будзецъ, на страснэй нядзѣ́ли насъ и рассудзили, мужа нѣтуци дома, апяцъ схаваўся, тутачка перядъ Пятро́мъ, ись не́чаго, наяду́цца, глы́боко, варо́ты, Багаро́дзица, етатъ, ёнъ—яна́—яна́ (дзиця), це́ща, ме́рзнуцъ, магёмъ, мижи собою бро́нюцца, ильну, зилинова́тъ, бяда не наськіе, цана́ вяли́ка, ёнъ ишоў, много яецъ, но яи́шня, нѣту ку́рицки, роги́ зылаты́и, воблаки, маланнья́, вясёлка (радуга), конь иржéцъ, ирвацъ, ўну́къ, ўну́цекъ, должыня́. *Р* твердое и *р* мягкое не смѣшиваются. Илля, свацця, Ягорья, ёсцъ, щамель, пцала, сяво́нни, во́сень, азяро́, вумъ, ву́лица, шесь, ёнъ дась, чарства нябе́сная, че́ркаў и це́рква, мацыха, свѣтъ (=цвѣтъ), Хилипъ, Хёдаръ, хунтъ, во́йська, женьскій, мушке́й, спюдзёная вада́, карaго́дъ, кудою,

тудою, сюдою, ци ёнъ придзе́цъ? быў ў гасцёхъ, ў людзёхъ, маго, у мине́ ба́цьки нѣтъ, такой цасъ.

Отъ Холмеца, держась теченія р. Туда, я направлялся къ селу Молодой Тудъ, рядомъ съ которымъ за рѣкой с. Васильевское. По дорогѣ, равнымъ образомъ какъ и въ указанныхъ селахъ и далѣе почти до Ржева, говорятъ обыкновенно по-великорусски, но и *бѣлорусскія особенности* подчасъ напоминаютъ о себѣ, главнымъ образомъ въ рѣчи захолустныхъ жителей, женщинъ и дѣтей. Въ *Васильевскомъ* и *М. Тудѣ* у меня отмѣчены (но не какъ общая особенность): дзеканье, ўзяў, даже царъ (*р* твердое только въ этомъ словѣ), ли кало́тца, залатэ́й, аднэ́й, ца́шка, че́рква, глыбокі(ъ)й, е́татъ, ку́зня, но́жни (= ножницы), ка́меня (род. п.), вяселле, веребей, льлю, чѣна́, бяда́, яецъ, яе́шня, шкло, дзирявый, ўме́рци, здзе́рци, сцерць, иржа́, ишоў, ўвагонь, Илля, адъ мяне́, ў другей такей жонки, во́сянь, жани́тча, вѣцный. *Ци* при вопросахъ не всегда употребляется. Ў лѣсѣ, пойдзёмъ ў грибы́, мужуки́, служи́ць пано́мъ. Смѣшеніе дательн. п. множ. ч. съ творительнымъ. Быў ў гасцёхъ, у тэй хаты, майго́, твайго́, ёнъ—яна́, увесь, ўси, ўси́хъ, дзвюхъ, ў двыхъ, нясе́ць, спицьна ёмъ. Населеніе въ указанныхъ мѣстахъ менѣе крупное, близкое къ среднему бѣлорусскому росту, но вообще замѣтна утрата бѣлорусскаго типа. Выходитъ, что какъ бы великоруссы говорятъ по-бѣлорусски. По словамъ учительницы земской школы въ с. Васильевскомъ, особенности, сходныя съ отмѣченными мною, можно наблюдать и дальше къ сѣверу отъ р. Туда, даже въ уѣздѣ Осташковскомъ, но я не нахожу возможнымъ считать эту область бѣлорусской: великорусскій элементъ въ ней все же преобладаетъ.

Изъ с. Молодого Туда я направился на сѣверо-востокъ къ Волгѣ и ея притоку Итомлѣ; остановился въ с. *Сытьковѣ*. И здѣсь говорятъ обыкновенно по-великорусски; даже отдѣльныхъ бѣлорусскихъ особенностей слышать не приходилось. Впрочемъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ „шепляки“ даютъ о себѣ знать своимъ особымъ выговоромъ (дзеканье, ў, *-эй* въ имен. п. прилагательныхъ, звукъ *г*=*h* 3 л. глаг. на *-ець*, смѣшеніе *ч* и *ц*, дат. и творит. п. множ. числа). Типъ великорусскій. Изъ Сытькова по большой дорогѣ, за Волгой, направился въ Ржевъ. Здѣсь, конечно нигдѣ, бѣлорусскаго произношенія не слышалъ.

Во время поѣздокъ по сѣверной Бѣлоруссіи мнѣ пришлось быть и во многихъ мѣстахъ Витебской г., въ сѣв. части Могилевской и Смоленской. Наблюденія производились только надъ языкомъ. Но оказалось, что въ сравненіи съ тѣми свѣдѣніями, которыя мы почерпаемъ изъ извѣстныхъ сборниковъ— Шейна, Никифоровскаго, Романова, Добровольскаго, ничего особенно новаго замѣтить здѣсь нельзя. Интереса къ бѣлорусской этнографіи больше всего въ Витебскѣ и Могилевѣ, въ Смоленскѣ мало. Около Смоленска на значительномъ разстояніи, въ виду массы желѣзныхъ дорогъ, бѣлоруссы теряютъ особенности своей народности и постепенно приближаются къ великоруссамъ; то же наблюдается и въ бѣлорусской рѣчи возлѣ Смоленска. Я пожелалъ послушать, какъ говорятъ бѣлоруссы къ востоку отъ Смоленска. Остановившись въ Духовской, я встрѣтилъ здѣсь лишь одного человѣка, который, говоря по-великорусски, все же дзекалъ, и лишь въ селѣ *Спасъ-Твердилицы* Смоленскаго уѣзда (въ 12 верстахъ отъ Духовской (отъ ст. Приднѣпровской въ 6 верстахъ) можно было слышать рѣчь, изобилующую бѣлорусскими особенностями, по крайней мѣрѣ въ языкѣ стариковъ, женщинъ и вообще мало бывавшихъ въ другихъ мѣстахъ жителей. Изъ данной мѣстности у меня отмѣчено: дзеканье и цеканье у меньшинства, отсутствіе смѣшенія *р* твердаго и *р* мягкаго, *г* = *h*, *ци* при вопросахъ, ў изъ *л* и *у* — *в* (быў, піў, ўмёръ), 3-ье лицо на *-цъ* (нясéць, лю́биць), смѣшеніе дат. и твор. мн. ч. и др. черты (перша вм. прежде, якъ вм. какъ, нясу́, сяло́, домы́ гарады́, во́кны, протасéи, партэсы = хоругви, напіўся, отхўгай = открой, захута́й = закрой, напр., дверь, гълава́, Га́нна). Одежда у здѣшнихъ бѣлоруссовъ уже больше великорусская. Очень смѣшанное населеніе въ восточныхъ частяхъ Дорогобужскаго, Ельнинскаго и Рославльскаго уѣздовъ. И типъ населенія, и костюмы, и рѣчь здѣзь разные. Въ Рославльскомъ уѣздѣ мнѣ приходилось бывать въ разныхъ мѣстахъ. Возлѣ шоссе въ большинствѣ случаевъ говорятъ по-великорусски. Подобное же можно наблюдать и въ захолустьяхъ на востокѣ. Я посѣтилъ хуторъ *Никольскій* помѣщика Баженова, находящійся на границѣ Рославльскаго, Жиздринскаго и Брянскаго уѣздовъ, недалеко отъ р. Десны. Костюмы населенія чисто великорусскіе; въ рѣчи есть бѣлорусскія особенности (ти будзе, мужуки́, не

могёмъ и под.), но преобладающимъ является великорусское произношеніе.

Кстати отмѣчу, что въ прежнее время бѣлоруссовъ въ Смоленской губерніи было больше: въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г.“ (Спб. 1868, стр. XLIX) бѣлоруссы показаны и въ западной части Вяземскаго уѣзда: „населеніе же граничной полосы носитъ на себѣ характеръ переходный отъ бѣлорусскаго племени къ великорусскому“, т.-е. въ 1859 г. въ западной части Вяземскаго уѣзда наблюдалось то же, что теперь въ восточныхъ частяхъ Дорогобужскаго, Ельнинскаго и Рославльскаго уѣздовъ.

На восточной границѣ меня особенно интересовали бѣлоруссы въ Калужской и Орловской губерніяхъ. Что касается Калужской губерніи, то оказалось, что бѣлорусскія особенности проникаютъ отчасти въ рѣчь лишь населенія самыхъ западныхъ окраинъ Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, да и здѣсь преобладаетъ все же великорусская рѣчь. Бѣлорусскія особенности языка, напр., жиздринскихъ палѣхъ, часто исчерпываются лишь отдѣльными словами; здѣсь даже дзеканья нѣтъ. Въ 3-хъ верстахъ отъ ст. Крапивны (на шоссе) есть с. *Шуи* Мосальск. уѣзда. Казалось бы, что здѣсь должны быть бѣлоруссы; но, какъ показало мое наблюденіе, мѣстные жители говорятъ чисто по-южновеликорусски; бѣлорусскія, быть можетъ, здѣсь лишь „отху́тай“, „опря́нься“. Въ сосѣднихъ мѣстностяхъ къ западу уже „тикаютъ“, т.-е. въ вопросахъ употребляютъ *ти* (Каханы), знаютъ ў на мѣстѣ *л* („наѣўся“ въ Заболовкѣ), употребляютъ и другія бѣлорусскія слова („отчини фортку“ въ Желонской волости). Больше бѣлорусскихъ особенностей въ рѣчи за Мокрымъ Жиздрин. уѣзда къ западу.

Что касается Орловской губерніи, то здѣсь бѣлоруссы оказываются лишь въ западной части Брянскаго и Трубчевскаго уѣздовъ. Въ первомъ вполнѣ типичные бѣлоруссы по виду и языку оказываются лишь въ Акулицкой и Лутенской волостяхъ. Вотъ нѣсколько замѣтокъ, сдѣланныхъ въ с. *Акуличахъ*, имѣющихъ значеніе для сужденія о языкѣ: несе́ць, дзѣци, моге́ць, ў однэ́й руцѣ, конь, глыбо́кій, галава́, льлю, цана́, яе́чки, мужуки́, висо́кій, тысяча рублёў, дзира́вый, маладня́ (= молнія), сало́ткій, конь ирже́ць, ирве́ць, ўнукъ, ўю, ўсей, моўча́ць. Вездѣ звукъ *г* = *h*, *р* твердое не смѣ-

шивается съ *р* мягкимъ, дзеканье и цеканье, хотя замѣтна склонность и слишкомъ мягкимъ *д* и *т*, при преобладаніи *дз* и *ц* мягкихъ, *ци* въ вопросахъ. Вотъ еще нѣсколько записей оттуда же: Илля́, Яго́рья, ви́жу, ража́ць, ў другей такей жо́нки, восень, возеро, вумъ, палцы (но рѣдко), купаўся, пошоў дво́ру (dat. finalis: ср. „надо скорѣй идить двору, штобы затимна быть дома. Смол. (Добров.) Словарь, изд. Акад. Н., за́темно), нѣ=нѣтъ, немашъ, два сталы, на аднэй назѣ, мамъ, бацъ, цётъ и т. д. — звательныя формы, е́тый, тэй, майго́, ёнъ—ина́—ина́ (средн. р.), яны́, ўси, ўсихъ, двана́тцаць, яси́, даси, несе́ць, но зна́иць, хва́лиць, ёсць, баля́ць, вы́сказаць.—Народныя пѣсни имѣются разныя, но поютъ ихъ больше женщины. Послѣднія впрочемъ стѣснялись спѣть мнѣ что-нибудь. Нашелся болѣе смѣлый мужчина, но онъ пѣлъ не типичныя бѣлорусскія пѣсни, а больше великорусскія, хотя и на бѣлорусскій ладъ. Вотъ нѣсколько его опытовъ:

1) Зарадзи́ла я́гада ў щиромъ бару́,
Заблудзи́ла кра́сная дзяви́ца, ў це́мномъ лясу́.
Приблудзи́лася къ рѣчки къ Дуна́ю,
Пакли́кала кра́сная дзяви́ца сабѣ пирявóсъ:
„Пирявóщикъ, пáрень маладой,
„Пирявязи́ мине́ на той бокъ ряки́".
— Кра́сная дзяўчóнка, дóрогъ пирявóсъ,
Па пяци рублей съ палци́наю нашъ пирявóсъ.
„Што хацице, то вазьми́це,
„Тольки мине пирявязи́це".

2) Ты крапива, ты крапива, ты крапивица,
Ты крапивица зиляненькая,
Ты зялёная качурявая,
Ци ўси луга пріўзялёнивала,
Ци ўси сцежачки-дорожачки,
Майго ми́лаго пирахóдачки.
Гóниць милый табунокъ лошадзей,
Уси кóники варóненькія,
Адзинъ кóничакъ буланенькій,
Идзець гóлаву павѣсіўши,
Ясны глазушки заплаканыя.
„Што ты, коничекъ, змуцёнъ — не́вяселъ?
„Или я цибѣ мало сѣна даваў,
„Или мало аўуса засыпаў"?

Обѣ пѣсни не окончены. Пѣвецъ (Павелъ Стеф. Шестаковъ) свою забывчивость объяснилъ тѣмъ, что „цяперь ума нямношки нядасцтаець“.

Въ *Брянскѣ* на рынкѣ встрѣчалъ крестьянъ дзекающихъ и произносящихъ ў вмѣсто *в*. Костюмы у нихъ были больше бѣлорусскіе, наружность тоже. Отъ мѣстныхъ жителей приходилось слышать, что вообще бѣлоруссы съ ихъ особенностями попадаются до самаго Брянска, точнѣе до р. Десны.

По желѣзной дорогѣ изъ Брянска до Почепа и дальше до Гомеля тоже все попадались бѣлоруссы, особенно въ Черниговской губерніи. Постройки вездѣ бѣлорусскія, вытѣсняемыя кое-гдѣ великорусскими. Изъ Почепа на лошадяхъ предпринималъ поѣздки по Трубчевскому уѣзду. Несомнѣнно, что въ прежнее время бѣлоруссы простирались на востокъ до Десны, но въ настоящее время они не вездѣ доходятъ до этой рѣки. Во всей области отъ Почепа до Десны дзеканье и цеканье слабо развиты, или даже совсѣмъ отсутствуютъ; ў изъ *л* въ извѣстномъ положеніи ближе къ *в*, нежели къ *у*; въ вопросахъ обыкновенно *ци*. Вотъ нѣсколько наблюденій въ языкѣ, сдѣланныхъ въ с. *Семцѣ* (въ 12 верстахъ къ юго-востоку отъ Почепа): дзѣци, идзець, ня(е)сець, бывъ, поѣдавъ, ишовъ, узявъ, унукъ, гавару (рѣдко), но царь, старяютца, галава; кое-кто говоритъ „високій“; злый, сляпый; той; у тэй руцѣ, на назѣ; звательныя формы типа: мамъ, татъ, Софей; Пилипъ, Хведаръ; ня(е)су, ня(е)сешъ, ня(е)семъ, ня(е)се́ця, ня(е)суць; *в* иногда заходитъ въ родительные мѣстоименій: чаво, моево; Илля, вя(е)се́лле, божья дзѣла; како́я табѣ дзѣла? мя(е)не, ця(е)бе́ (род.-вин. п.); якъ. Сосѣди великоруссы по Трубчевску называютъ здѣшнихъ бѣлоруссовъ хохлами, но ничего малорусскаго у нихъ нѣтъ (напр. *э* и *и* вм. *е* и *і*). Нѣсколько отдѣльныхъ словъ съ особымъ значеніемъ: га́рка (кружка), юпка (зипунъ), кише́нь (карманъ), пу́га (кнутъ), упу́дзицца (испугаться), укро́пъ (горячая вода), мя(е)ртвяки́ (мертвецы), цэ́хи (носилки для мертвецовъ и хоругви для сопровожденія покойниковъ), цвинта́рь (церковный погостъ), звани́ць (колоколить). Въ народѣ еще до сихъ поръ, кромѣ свадебныхъ пѣсенъ, можно слышать пѣсни колядскія и на день Ивана Купалы.

При опредѣленіи бѣлорусской границы по Черниговской губерніи я прислушивался также къ такъ называемому диф-

тонгическому произношенію нѣкоторыхъ гласныхъ. Особенно привлекалъ меня въ этомъ отношеніи Городнянскій уѣздъ. Однако мнѣ пришлось разочароваться: здѣсь дѣло съ дифтонгами повидимому такъ же обстоитъ, какъ и въ Гродненской губерніи, т.-е. дифтонгическія написанія передаютъ здѣсь лишь *о* узкое, склонное къ *у*, и *е* узкое, склонное къ *і*. Такое заключеніе составилось у меня по крайней мѣрѣ относительно говоровъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ я производилъ наблюденія (Городня—поселеніе недалеко отъ желѣзнодорожной станціи, с. Жабчичи, верстахъ въ 8 отъ желѣзной дороги, и возлѣ другихъ желѣзнодорожныхъ станцій отъ Хоробичъ до Сновской, а также возлѣ м. Любеча). Во всѣхъ названныхъ мѣстностяхъ говорятъ по-бѣлорусски, но безъ дзеканья и цеканья, дѣти впрочемъ подчасъ дзекали. Везшій меня человѣкъ изъ Городни при вокзалѣ между прочимъ говорилъ: нема́, пу́га е тамъ, торгу́у́ля, Терехуу́ка (ст. Тереховка), Мугиле́у́ськи, добры садъ, иде ў чясъ, я(е)кі́й; аканье вообще умѣренное. Сосѣдніе малоруссы называютъ здѣшнихъ бѣлоруссовъ „литвинами“, „перевертнями“. Послѣднее названіе особенно любятъ прилагать къ жителямъ м. Любеча, разумѣя здѣсь подъ „перевертнями“ не малоруссовъ, но и не чистыхъ бѣлоруссовъ. Дѣйствительно, населеніе Любеча смѣшанное, но преобладаютъ бѣлоруссы; въ сосѣднихъ — Петрушахъ и Рѣпкахъ малорусскій элементъ имѣетъ преимущество. Радуль населенъ больше великоруссами; по сосѣдству въ Лопатняхъ уже дзекаютъ. Въ Любечѣ нерѣдкость и *э* вм. *е* и *и* неумягчительное, но вообще преобладаютъ *е* и *і*. Смѣшанный характеръ рѣчи въ Любечѣ зависитъ, вѣроятно, отъ того, что это большое мѣстечко (есть много и евреевъ), служащее торговымъ центромъ для окрестнаго населенія, привлекающее послѣднее сюда также и пещерой св. Антонія; здѣсь же имѣніе гр. Милорадовича; на площади очень хорошій памятникъ императору Александру II.

Знакомство съ говорами Могилевской губерніи я началъ съ юга и побывалъ въ разныхъ ея мѣстахъ. Оказывается, что наблюденія Романова относительно ея говоровъ, вообще говоря, правильны, но нѣкоторыхъ тонкостей, которыя въ свое время записаны были у стариковъ, теперь наблюдать нельзя: усиленіе школъ, развитіе сообщенія между захолустными мѣстами, особенно съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, содѣйствуютъ

сглаженію мелкихъ отличій и выработкѣ болѣе общихъ типовъ. На самомъ югѣ иногда отсутствовало дзеканье и цеканье (около *Тереховки*), но зато можно было слышать слишкомъ мягкіе *д* и *т*; изрѣдка можно было наблюдать, что одно и то же лицо, начавъ дзекать, переходило на *д* и *т* мягкіе.

Возлѣ Гомеля къ сѣверу — умѣренное аканье, дзеканье, твердое *р* и т. п. Данныя для нѣкоторыхъ заключеній объ этомъ говорѣ могутъ дать наши наблюденія въ селѣ *Красномъ* Поколюбежской волости, къ сѣв.-зап. отъ Гомеля въ 7 верстахъ. Мѣстное населеніе туземное, чисто бѣлорусское. Ня(е)се́, гаво́ра, пяе́, хва́ля (3 л. ед. ч.), спиць. *Ѣ* подъ удареніемъ произносится какъ *е*, безъ ударенія же какъ *е* и *я*, что̀ зависитъ отъ мѣста въ слогѣ и отъ другихъ причинъ. Говару́, цару́; быў, уну́къ, узя́ў; гаво́руць; ви́джу; злы, сляпы́ (имен. п. ед. ч.), но, по замѣчанію мѣстнаго учителя, говорятъ и злэй, сляпэ́й; той, уве́сь; на назѣ́, па капе́йцы; гэ́ны; ёнъ — ина́ — яно́, яны́; ву́лица; купа́ўся, по́есъ и по́исъ; пъяць, авъёсъ; мужуки́, мое́ ру́ки; уси сталы́; неопредѣленное всегда на-*ци*; я пайду́ жа́ци; здаў, жыў; ёнъ (мужъ) таки́, якъ я, у вадны́хъ гада́хъ; ураджай харо́шы ро́стамъ и умало́тамъ; дзяўча́ты пяюць; ахоты не было́ и у малады́я пѣць, а циперъ и соўси́мъ нима́; ко́цикъ сѣронькій, ко́цикъ бѣлянькій, у люльку не ходзи́, дзиця ня будзи́; ня зна́ю я бо́лѣй ничо́го; ёсцека яще; у мине два сы́на, або́я ў ку́чы со мной; у ваднаго троя дзяце́й, а у вадпаго адно; нявѣстки жнуць, а ўну́чки яще малы; ўнучки дзяце́й ня́ньчаць; адно́ няздарово, ніякъ изъ рукъ няйдзець. Зямли́ цягло́; ко́льки доўжыно́ю и кольки шырыно́ю; чатэ́ры паласы́ ў змѣ́нѣ. Хи́ба свой хлѣ́бъ ня хва́ця; цяперъ 31 рублей аддали; сяго́лѣта абъ сваёмъ асталися, та й скупо бу́дзе; кали у кармани ё, то й хва́ця; скоци́на много хлѣ́ба зъядая, требо сѣна накла́сци и боўту́хи, вядры два вады и муки фунтоў восимъ. Мёдъ ё, да ня ядзимъ.

Поднимаясь дальше къ Могилеву, наблюдалъ только усиливающееся аканье. Очень странно произносятъ названіе своего губернскаго города: Мигыле́въ, Мугиле́въ (Жлобинъ мѣстечко). Въ Могилевѣ на рынкѣ въ народной рѣчи былъ пораженъ крайнимъ аканьемъ: даже *е* ударяемое (изъ основного *ѣ*) произносили почти какъ *а*, въ отрицательныхъ отвѣтахъ ясно слышалось *неа* вм. *нѣ*.

Вотъ еще нѣсколько наблюденій, сдѣланныхъ мною на самомъ сѣверѣ Могилевской губ. на границѣ со Смоленской — село *Микулино* Оршан. у. (въ 10 верстахъ отъ ст. Рудня). По́исъ, (г)лянь, по(г)лядзи́, каляда́, зылатэ́й, сляпэ́й, друге́й, хоць, галава́, по́лымя, криви́, глыта̀ць, глатну́ў, мыладэ́й, Бу(ъ)гародзица, на жо́ўтымъ пяску́, адзёжа, хростъ (крестъ), памёръ, памёрла, дзе́шева (произношеніе стариковъ), моё (ср. р.), гнёзды, вёдры, звёзды, магёмъ, пякёмъ, ёжыкъ, мижъ ихъ, праме́жъ ихъ, зямля́, пшани́ца, сирабро и сирябро́, ми́линькій, пиряки́нимся, ў сиряду́, сирида́, дзѣтъ, у синя́хъ, ў сянёхъ, нявѣстыка, ху́стыка, па́стыка (ловушка), но́сиць, ро́ги зылатэ́я, дзира́вый, сало́ткій, е́ткая вакно́, е́та вакно́, майго́, твайго́, уто́ракъ (вторникъ), ирва́ць, ирж́ацъ и т. д., ўпукъ, ўлѣсъ у мѣхъ, уватри носъ, повинъ и поўны; преобладаетъ *р* мягкое на мѣстѣ стариннаго *р* мягкаго, но бываетъ и твердое: царь и царъ, гывару́; *р* мягкое иногда даже на мѣстѣ стариннаго твердаго *р*: стыря́цца. По утвержденію моихъ экспертовъ, старики предпочитаютъ твердое произношеніе. Бъю, пъю, галу́бъ, пиць, дзѣци; ны Іильлю, вясе́льля, божжія дзѣло, судзьдзя́, ры́бъя, Дзямъя́нъ, саўю, сольлю, зыижжа́ць, ви́жу, вища́ць, дощъ; отъ мяне́, зъ јимъ; дузѣ, дзѣўцы, ны стряхѣ („па стрѣсѣ“ не говорятъ), во́зира, вумъ, ву́лица, вось, но пау́къ. Пили́пъ, Ёска, Во́сипъ, Хо́мка, Хо́доръ, хунтъ. Па́лцы (говорятъ только старики); купаўся, дзѣўка, дзиця́ купа́лысь; средній родъ у причастія на *-лъ* утратился; хызя́инъ, хлыпаты́ (старики скажутъ „клопотъ“); ёсь = есть; лѣкшій, пущій, пѣць — пяю́; ча́а ты = чего ты? нѣ — нѣтъ, нима. Ишо́ў съ сыба́кымъ; ўсё ста́да падо́хла; два сталы́, дзвѣ наги́, два сялы́; нѣтъ творительнаго на *-ма*; во множественномъ ч. *ы* и *и*; то же и въ среднемъ родѣ: варо́ты, сялы́. Ци видзіў ты ко́ній? пайду́ вазьму кане́й; служиць пано́мъ; служіў старшиномъ (твор. п.); быў ў штанахъ, ў лапцёхъ и т. д. Встрѣчаются формы звательнаго типа — татъ, мамъ, Сцёпъ и т. д. Стольки дзялоў, място́ў, канёў, рублёў; ў гасьцёхъ, людзёхъ, ў сянёхъ и т. д.; пырыся́, циля́, дзиця́; ма́ци, но чаще ма́тка, дычка́; табѣ, сабѣ, тэй — ты́я (всѣхъ родовъ). Ёнъ — ина́ — яно́, яны; зъ јимъ; тоя — сёя; увесь; ниу́дзинъ; вышли ў пяцёхъ; ў мо́крыю пагóду; яси́, даси́, нясе́ць, умѣиць, хва́лиць, дадзёмъ и дадзи́мъ; печь; нясучи, идучи; йшоў, па́сціў и па́сцивіў. Отъ глагола „вы-

нуцьʺ — я вы́пю, мы вы́нили; певня (навѣрно), попеўнилась (удалась), зрàдзилась (не удалась); въ Любавичахъ говорятъ: „слибаʺ = если бы, пилёсы = полосы ів. Чуць-чуць выдыбаў зъ бало́та Микул.

Наибольше разнообразія и интересныхъ особенностей представляютъ бѣлорусскіе говоры по южной границѣ Бѣлоруссіи. Переѣхавъ у Любича Днѣпръ, я направился на западъ на Мозырь и далѣе. Нѣкоторыя изъ замѣченныхъ мною особенностей уже сдѣлались предметомъ специальныхъ работъ, которыя современемъ будутъ напечатаны; другія же еще недостаточно выяснены и поняты мною и нуждаются въ новыхъ дополнительныхъ наблюденіяхъ, которыя и думаю предпринять въ ближайшемъ будущемъ. Пока нахожу возможнымъ подѣлиться со специалистами сырымъ матеріаломъ.

М. Брагинъ, Рѣчицк. уѣзда. Дзеканье и цеканье въ полной силѣ. Цара́, говару́, ви́джу, уроджа́й, ўзяў, купа́ўса, нясе́, гаво́рэ, спиць, нясу́ць, ву́лица. *Э* вм. *е* не встрѣчается; смѣшенія *и* и *ы* тоже не бываетъ, но висо́кій; пъяць, авъёсъ, мъя́со, па́мъяць и т. д. Одъ мене́; по́есъ, гледжу́; сляпы́, глухи́; во́зеро, вумъ; па́лцы, си́лно, стралцы́; во́йсько, же́ньскій; той, у тэ́и (род. п. ед. ч. жен. р.); ро́зумъ, або́два, ко́ляды, што́ники, бра́теникъ; ёнъ—ена́—енэ́ (и воно́, но рѣже); глыта́ць, глыбо́кій, крыви́, блыха́; сува́ць, кува́ць; у чи́стумъ по́ли, гэ́ты; идо́мъ, мого́мъ, пеко́мъ, паню́(ё)съ; ильну́; пшани́ца; пераки́немся; Илля́, вясе́лле; бо́жа дзѣло; аще́ = еще; иногда: дзіедъ, ліесъ; бяда́, цана́, рака́; ёнъ нòсе; бува́й здаро́ў; ку́ра, гуся́ (имен. ед. ч.); съ старшино́мъ, зъ дзя́цькомъ; два сталы; абѣдзвѣ назѣ; три сялѣ; очи́ма, плячи́ма и т. д.; па́сциць валы́, пара́ заклада́ци ко́ни; звательные падежи встрѣчаются только отчасти (ма́тко, Бо́жухно, ба́цюхно); касцэ́, мужике́, облаке́; дат. п. ба́цькови, сы́нови; род. мн. ч. рублёў, канёў; служи́ць пано́мъ, господаро́мъ; ў пано́хъ, госпадаро́хъ, ў гасцёхъ; мого́, твого́, свого́; уве́сь, увсей, ўсѣ, усѣхъ и т. д.; именит. мн. ч. мое́, твое́; адзина́нцаць, двана́нцаць; идзець (2 л. мн. ч. повелительн. н.), ходзе́мо, уцекаймо, ѣжмо; несци́му, ѣсциму, хвали́циму. Пу́га е? Нетра = дебрь.

Такая же, какъ въ Брагинѣ, рѣчь и въ *Хойникахъ* Рѣчицк. уѣзда. Умѣренное аканье, звукъ *дж* на мѣстѣ *dj*. Къ предыдущему можно прибавить: аддасцё(е́)це (= отдадите), це́рциме

(=будетъ терѣть), бра! (=братъ), хуце́нько (=поскорѣе), нимавѣ́дъ куды́ (=неизвѣстно куда), пуль (=пыль).

Въ г. *Мозырѣ* въ рѣчи простого народа сказывалось сильное оканье, но другія особенности были бѣлорусскія. Еще у меня отмѣчено: ги́ньшій (=иной), висо́ко ўже бу́дзе, прыѣжджа́ў, усёй городъ объѣздзіў, хваетонъ (фаэтонъ).

М. Петриковъ, Мозырскаго уѣзда. Бо́ўшый (=большій); здзержаўса, згаварылисэ; руській; дзеканье и цеканье; на мѣстѣ стараго *ѣ* слышится звукъ, приближающійся къ *и*, но все же не *и*: поѣ(і)ду, собѣ(і). Выдающаяся особенность данной мѣстности и сосѣднихъ къ востоку въ Рѣчицкомъ уѣздѣ—появленіе вполнѣ явственнаго *у* на мѣстѣ *ы*: ву́піў, горадавуя (имен. мн. ч.), пошли му у го́радзи Кременчугу, ву́дуць и одберу́ць, ву́піў кручо(у)къ во́тки, плуты́ (изъ плыты́ — плоты), абу живо́го пуси́ли, мой плутъ: сюда не относится було́ (лѣтъ було 19); *р* твердое: ру́мочку. Другія особенности: руба́шки тые, шку́ру облу́пиць, рэту́й (ратуй — спасай), рубашку ў шма́цця, привьёзъ, до́рого си́льно.

Подобное произношеніе *ѣ* приходилось слышать и въ *Лахвѣ,* Мозырск. у., при другихъ чисто бѣлорусскихъ особенностяхъ: поѣ(і)хаў, даже копіекъ.

Лунинецъ и м. *Лунинъ*, Пинск. у. Рѣчь вообще бѣлорусская; однако сосѣдство малоруссовъ сильно замѣтно; больше малоруссизмовъ въ рѣчи мужчинъ, нежели женщинъ. Вотъ нѣсколько наблюденій изъ этой мѣстности: захоці(і)ў бы одда́ць, то, я хочу узна́ць, ми(е)сяцъ, пъяць, не дзи(е)лаў, не ражжы́ўса на грошы, не водзилисэ, бабъ съ пъяць, скуль гэ́то вы́шло, омма́номъ написа́ў, такъ са́мо тамака, я суджу́са, нихай его чортъ заборэ́ (= возьметъ). Замѣтна склонность къ оканью, извѣстно и твердое *э* вмѣсто *е*, но только послѣ губныхъ. Ясныхъ *и* вм. *ѣ* и *ы* вм. *о* въ слогахъ ударяемыхъ закрытыхъ нѣтъ (подобное произношеніе можно слышать только отъ побывавшихъ у малоруссовъ). Въ сосѣднихъ селахъ и деревняхъ очень много разнообразія въ рѣчи. Очень смѣшанная рѣчь при ст. Лунинецъ; часто даже не слышно дзеканья. Здѣсь отмѣчено: поляда́ешъ.

С. Дятловичи, Пинск. у. Населеніе бѣлорусское, хотя сосѣди называютъ дятловцевъ хохлами, да и сами они не считаютъ себя литвинами; бѣлоруссовъ другихъ мѣстъ они на-

зываютъ „босяками“. Въ рѣчи, какъ и у жителей Лунина, иногда сказываются малорусскія особенности; впрочемъ на малорусскій ладъ чаще начинаютъ говорить бывалые мужчины, при чемъ часто безразлично допускаютъ особенности той и другой рѣчи: такъ одинъ крестьянинъ спросилъ у своей снохи: „дэ вы дзѣли?“ и, когда та не разслышала его вопроса, то повторилъ его уже въ видѣ: дзѣ вы дзѣли?“ Приближаетъ къ малорусскому разсматриваемый говоръ и изрѣдка встрѣчающееся появленіе *ы* на мѣстѣ *о* ударяемаго въ слогѣ конечномъ закрытомъ, а иногда и въ серединѣ; впрочемъ я слышалъ только быхъ: быхъ тобú даў; вынъ: недзи далéче вынъ живэ́; двыръ; кынь; пыйдзе; рядомъ съ такимъ произношеніемъ можно было слышать и обычное съ *о*. Къ малорусскимъ особенностямъ слѣдуетъ отнести и довольно рѣдкое появленіе на мѣстѣ *ѣ* звука и(е): дзи(е)дъ, цы(е)на, хли(е)ба, нали(е)во, сли(е)пы́, дзьви(е) сели(е), а ци я ви(е)даю, ули́(е)зъ уми(е)хъ; опять таки и здѣсь обычный звукъ *е*, даже не дифтонгъ, на мѣстѣ *ѣ* преобладалъ. Вліяніемъ сосѣднихъ малорусскихъ говоровъ слѣдуетъ объяснять и появленіе *э* вмѣсто *е*, но только послѣ губныхъ согласныхъ; иногда *э* послѣ губныхъ даже на мѣстѣ *ѣ*. Остальныя черты чисто бѣлорусскія: дзеканье и цеканье въ полномъ ходу, *р* твердое вмѣсто *р* мягкаго и др.; какъ въ южномъ говорѣ — оканье, часто сжатое *о* и т. п. Все сказанное выяснится изъ приводимыхъ ниже примѣровъ:

подзя́куваў, пóесъ, коледá, глéдзючы, вуо͡нъ, ў чи́стумъ пóли, мэдъ, умэ́рла, несé, ще (=еще), що (=что), бувáў, бувáй, ильняны́, иржáць, утóрокъ (=вторникъ), унукъ, удова, мъя́со, пъя́ць, спьяць, Иля́, вэсéле, рáд͡жу, дожд͡жикъ, мэжá, зрожáй (урожай), купэ́цъ, чмэль, нигóдзинъ, ўóсень, озьми́, пáлцы, си́лно, купаўса, домóў, долóў, кудэ́ю, тудэ́ю, нимáмака, нимá, зват. пáпе (особенно любятъ употреблять въ разговорѣ это слово), панóчку и др., увэсь, чи́стэ пóле, спиць, идзéмо, ходзéмо и т. д., несци́му, спъяць, нимá, не растýць, есць трóшко, обобрáлиса, хорóшіе лошадзé; разъ встрѣтилось *э* и послѣ *д*: вэсь ми(е)сяцъ цёнгле дощъ идэ́ць. Нигодного гóду грыбы́ такъ не росли́, якъ начали гэтого году росци. Тацяно! тóрбу пушукáй. Мáци пушлá. Семэ́йны. Ле (=для) себэ трóхо насушы́ць. По радзю́шку пышлá. Неси́. Мýхи страхъ якъ кусáютца. Трóшке не такъ будуць круци́цца. Цепэ́ръ сáмые

му́хи. Штобъ на цебэ́ по вѣтра. Кото́ры зарабля́юць. Учельники́ не хоця́ць боя́цца. Тры версцѣ́. Куго? На вула́хъ. Есць. Обурваў не́дзи. Гэты самые вужэ и па вудзѣ́ (=по водѣ́) хо́дзяць. Орѣхъ. Уй щобъ (а раньше было штобъ) ёго. Тамъ на поле трохо вы́ѣдомъ. Тольки помэ́щикъ не лядзи́ць на свя́то. Пѣтухъ называется „каба́нъ", скотъ—„това́ръ", густо—„глу́по". гробъ—„домови́на", ей Богу—„бо́ще".

М. Шерешово, Пружанскаго уѣзда. Разсмотрѣнію особенностей языка этого мѣстечка посвящена цѣлая статья А. Салтруковича, напечатанная въ „Матеріалахъ для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ", № 9, провѣренная мною лично во время поѣздки 1903 г.; тутъ поэтому почти ничего не придется прибавлять. Особенно выдающимися чертами оказываются: оканье, твердое *э* послѣ губныхъ, *т* твердое въ 3-мъ лицѣ ед. и мн. ч. глагола, конечно, если оно совсѣмъ не отпадаетъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: вона́ (она), благе́нькее жито, уцёкъ, за тые вэксале, судзье́ю, однае матки, 80 годо́ў, одъѣ́жджа́е, хочь па кры́си (понемногу) нихай узы́скивае, зъ заиле́ю, воны́ ўсѣ́ пры мнѣ́, памъёръ, сыновэ (ср. р. ед. ч. прилагательнаго), бэзъ двохъ снопо́ў, умѣшвацимуцца (станутъ вмѣшиваться), екъ я на той чацверту́си, ето имъ мало, мэне́ оста́вили, разби́ли дзверя́ (двери), удовэ́цъ, муля́ў (говорилъ), хо́чеце — живе́це (= если хотите, то живите).

С. Бѣловѣжъ Пружан. у. въ центрѣ Бѣловѣжской пущи. Не только простой народъ, но даже и интеллигентныя лица вм. Бѣловѣжъ говорятъ „Баловѣжъ", такъ что, быть можетъ, производство названія села отъ бывшей будто бы здѣсь когда-то Бѣлой вѣжи и не на чемъ неосновано. Составъ населенія—когда-то бывшіе стрѣлки, набранные въ разныхъ мѣстахъ; теперь преобладаютъ бѣлоруссы. Взрослые и дѣти дзекаютъ и цекаютъ, окаютъ, хотя и не всегда, кое-гдѣ знаютъ дифтонги, послѣ губныхъ *э* вм. *е* и т. д. Примѣры на разные случаи: двэ́ры, бэры́, двўоръ, бу́оръ, нюосъ, дзіетъ (одинъ изъ моихъ экспертовъ, обучавшійся въ народномъ училищѣ, дифтонговъ не произносилъ), двора́, голова́, говору́, царъ, быў, хадзіў, узя́ў, поѣхаў ў ліесъ, ў рутцѣ́, купа́уса, гу́лица, дощъ, раджа́ць, па́лцы, несе, умѣ́е, спиць, лю́бицъ; тамъ хоронге́ўки

(флаги) е постáўлены; въ составное сказуемое, какъ и въ послѣднемъ примѣрѣ, обыкновенно входитъ *е* (= есть); пэрэскэ́чыць (перескочитъ), шасэ́ю, завъесъ, спалохалиса, слѣда кýньскаго, трі*е*хъ (вполнѣ явственно *іе*) мэдзвѣдзей убили, ўѣжджáемо, коневи (дат. п.), бульшъ, удзѣлный, мо увидзимо (можетъ быть увидимъ), зýбэръ (всегда вм. зубръ), мъя́кая, завю́лъ, зубрэ́ (им. п. мн. ч.), воны́, кýнчили.

Отличительная особенность говоровъ бѣлорусскихъ на крайней западной границѣ—сравнительно большее количество полонизмовъ, что и естественно, такъ какъ сосѣдями бѣлоруссовъ здѣсь оказываются поляки, вдобавокъ такіе же католики, какъ и въ большинствѣ случаевъ здѣшніе бѣлоруссы. Народъ съ трудомъ различаетъ народность, но никогда не смѣшаетъ православнаго съ католикомъ; всякаго католика онъ обыкновенно и называетъ полякомъ. Если простолюдина бѣлорусса здѣшняго изъ католиковъ спросить, почему онъ не говоритъ по-польски, если, по его словамъ, онъ полякъ, то онъ отвѣтитъ, что онъ человѣкъ простой и по-пански, т.-е. по-польски, говорить не научился. Единственное мѣсто, гдѣ онъ изучаетъ польскій языкъ, это костелъ, въ которомъ дополнительное богослуженіе и проповѣдь обыкновенно происходитъ на польскомъ языкѣ (слыхалъ, что бывали и отступленія въ пользу русскаго языка), общеніе съ костельнымъ клиромъ, а также исповѣдь исключительно на польскомъ языкѣ.

У меня имѣются замѣтки, сдѣланныя въ *Хорошѣ* Бѣлосток. уѣзда (въ 14 верстахъ къ зап. отъ Бѣлостока на р. Наревѣ). Земли эти еще въ XV в. принадлежали Супрасльскому монастырю и слѣдовательно уже въ старину здѣсь было бѣлорусское населеніе. Сосѣди мазуры даже отчасти по эту сторону р. Нарева. Въ рѣчи бѣлорусскаго населенія много польскихъ словъ, да и въ бѣлорусскихъ удареніе часто на второмъ слогѣ съ конца, какъ въ польскомъ. *О* не обращаютъ въ *а* въ случаѣ его безударности отчасти подъ вліяніемъ польскаго же языка. Въ отдѣльныхъ словахъ слышится *ц* вм. *ч*, впрочемъ *ц* съ шипящимъ оттѣнкомъ (свѣц(ч)а, пец(ч)ъ); будущее часто на —лъ +буду (буду прасíў). Бѣлорусскія особенности видны изъ слѣдующихъ примѣровъ: слѣ́пы, злы, блыхá, глыбóки, у жóўтумъ пескý, ёнъ—янá—янó, зямля́, у лѣ́си, цѣ(а)нá, рѣ(а)кá (въ предударномъ слогѣ довольно не-

ясный звукъ), збира́лися, купа́ўся, ўну́къ, ўдава́, у ваго́нь, царъ, говору́, мъя́со, пъяць, висе́ле(я), судзя́, проходжу́ся, дождже́, гу́лица, говёсъ, гоўца́, мужике́ви (хотя вообще подобныя формы здѣсь рѣдки), я быў на печѣ, винит. падежи мѣстоименій личнаго и возвратнаго: ме, це, се—я це ви́дѣў (вліяніе польскаго языка), мояго́, твояго́, мня, мое́, твое́, што, поле́чу, несе́, спиць, умѣе, хва́лиць, мохчы́, пячы́, повелит. н.: хвале́це, несе́це; е=есть; будземъ.

М. Суховоля Сокольскаго уѣзда. Бѣлорусскій говоръ въ общемъ такой же, какъ и у Соколки. Населеніе у себя дома обыкновенно говоритъ по-бѣлорусски и лишь при встрѣчѣ съ ксендзомъ и отчасти съ другими интеллигентными лицами стараются употреблять польскую рѣчь. Пріѣзжему наблюдателю бросается въ глаза будущее изъ *буду* + —*лъ*. Другія черты какъ и въ сосѣднемъ Гродненскомъ уѣздѣ. Дифтонговъ не замѣчалъ, но *у* вм. *о* въ слогахъ закрытыхъ безударныхъ дѣло обычное (ў чи́стумъ по́ли). Приставочное *в* не *г* (во́сень, ву́лица).—*Са* тоже нѣтъ (буду купа́ўся). Есцьь. Лицъ, говорящихъ иначе, нежели они, называютъ „шкоцьь".

Въ верстѣ отъ ст. *Новокаменной* живетъ колонистъ изъ бывшихъ лѣсниковъ, католикъ. У него въ избѣ я записалъ: Му́си Миха́сь повядзе́ коня́; пошо́ў нашъ стары́къ, такъ ёнъ зна́е; поёў бы (=поѣлъ бы); будзе поѣхаў; ко́ла (=колеса) будуць хова́лися; цяля́ чіесь ў бу́льви хо́дзиць.

Въ имѣніи *Понѣмунь* (въ 18 в. отъ Гродна по Нѣману къ югу) отъ приходящихъ окрестныхъ крестьянокъ записалъ: капъ це звяръ задра́ли; нивядэ́мо чый. Употребляютъ—*са*, приставочное *г* (гоўца́, говёсъ). Въ остальномъ рѣчь такая же, какъ и въ другихъ мѣстахъ средней Бѣлоруссіи.

С. Дуна́йчицы Слуцкаго у. (къ югу отъ Клецка въ 5 верстахъ): прывъёў, кудэ́ю, сюдэ́ю, на гано́хъ нажынаюць, изрѣдка—*са*. Въ остальномъ рѣчь обычная.

Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества", томъ XLI, вып. 4-й.

Типографія М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 лин., 28.